

УДК 1(476) (091)

**СТАНОВЛЕНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ИСТОРИОСОФИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

*канд. филос. наук, доц. В.В. СТАРОСТЕНКО
(Могилевский государственный университет им. Кулешова)*

Рассматриваются идеи религиозного свободомыслия, выраженные в памятниках отечественной философии истории эпохи Средневековья.

Наиболее крупным разделом в оригинальной древнерусской литературе являются сочинения по истории Русской земли, представленные главным образом летописями и сказаниями. В них с наибольшей полнотой нашли свое выражение оценки исторического процесса. Не лишённые религиозности, они содержали определённые элементы религиозного свободомыслия. Особое место в историософии Киевской Руси занимает «Слово о Законе и Благодати» Иллариона – первый дошедший до нас опыт отечественной философии истории. «Слово...» преисполнено пафосом веры в процветание Русской земли. В основе философско-исторической концепции Иллариона лежит идея равноправия всех народов перед христианской «Благодатью». Ход всемирной истории объясняется автором с точки зрения победившего христианства. Он говорит о равноправии народов в христианском вероучении, которое расширилось на «все края земные». После гибели Иудейского царства «вера благодатная по всей земле распространилась и дошла до нашего русского народа; озеро законное иссохло, евангельский же источник... всю землю покрыл и до нас пролился». Илларион считает, что «Закону» (Ветхому завету) чуждо представление о высшем благе – свободе. «Благодать», упраздняя «Закон», приводит тем самым к упразднению рабства. «Закон» сменяется «Благодатью», рабство – свободой, и в этом суть развития человеческой истории. Иначе говоря, Илларион выдвигает своеобразную религиозно-социологическую концепцию, по которой исторический процесс рассматривается в виде смены форм религии [3, с. 56].

Автор не ограничивается панегириком в адрес христианства. В «Слове...» выявляются также определённые элементы светского свободомыслия. Религиозные экскурсы и сюжеты сочинения имели политическую окраску – возвеличить государство «Русь», которое с принятием христианства стало равным цивилизованным странам Европы. Илларион откликается на современные ему политические проблемы. Он проводит мысль о том, что феодальное раздробление несло лишь разорение и беды, и для защиты от них нет другой силы, кроме централизации. Будучи сторонником монархического принципа, Илларион видел залог единства и силы государства, его территориальной целостности в единовластии. Единовластие, по его мнению, – опора христианской веры, а христианская вера – опора единовластия. В «Слове...» прославляется Русь, утверждается великая будущность вчерашних язычников. Впервые высказана идея независимой Русской церкви, Киев трактуется как «третий Иерусалим». «Крестителя Руси» Владимира митрополит сравнивает с «равноапостольным» императором Константином, называет их равнохристололюбивыми и равноумными [7, с. 91]. Владимир оказывается даже выше апостолов, поскольку он принял учение, не видя Христа, не слыша его проповедей и не наблюдая совершаемых им чудес. Илларион гордится величием, мощью и славой своей земли, своих предков, которые

мужеством и храбростью прославились в странах многих,
и победами, и крепостью поминаются ныне и прославляются.
Ибо не в худой и неведомой земле владычествовали,
но в Русской, что ведома и слышима
всеми четырьмя концами земли [7, с. 73].

Важно, что историю самой Руси Илларион сводил к истории ее великих государей – от язычников Игоря и Святослава до христиан Владимира и Ярослава. Этим он реабилитировал дохристианское прошлое Руси, раздвигал ее исторические границы вопреки церковной традиции, которая рассматривала крещение исходным пунктом древнерусской истории [4, с. 109 – 116].

Церковная и литературная деятельность Иллариона проходила в период правления Ярослава Мудрого – «просветителя Руси». При этом князе в Киеве был воздвигнут храм Святой Софии, призванный символизировать перемещение в Киев центра православного мира. Завершение строительства совпало с созданием «Слова о Законе и Благодати». Илларион стал символом церковной самостоятельности Древнерусского государства, являясь первым митрополитом из «русских», так как до него со времени крещения Руси митрополитами были присылаемые из Византии греки. Тогда же создавалась первая «русская» летопись, ее Древнейший свод. В «Повести Временных Лет» содержится похвальный отзыв о просветительской деятельности Ярослава. По свидетельству летописи, князь позаботился о переводе на русский язык многих греческих книг, которые составили основу библиотеки, созданной им в храме Софии Киев-

ской. Подобно «Слову...» Иллариона, «Повесть Временных Лет» признает важную консолидирующую и культуросозидающую роль христианства, с которым на Русь приходит грамота, книги, новое мировоззрение. Мировоззренческую и политическую окрашенность приобретает в летописи «Сказание о Борисе и Глебе», ставшее предтечей отечественной агиографии. Борис и Глеб стали жертвами междоусобной борьбы с братом князем Святополком в 1015 году. Их смерть трактуется в контексте христианского благочестия, прежде всего как самопожертвование с целью погасить братоубийственную войну [11, с. 289 – 294]. «Сказание» имело глубокий политический смысл, освящая идею братства всех русских князей – но младшие должны «покоряться» старшим.

Отметим, что «Сказание» существенно отличается от канонического жития византийского типа. Основная его идея – не мученичество святых за веру, а единство «Русской земли», осуждение княжеских усобиц. Заметим, что в силу ортодоксии византийского православия почти все святые греческого календаря относятся к числу именно «мучеников за веру» и аскетов-подвижников. Напротив, в Киевской Руси, начиная с Бориса и Глеба, складывалась иная традиция. Канонизировались прежде всего миряне – князья, бояре, прославившиеся главным образом своими ратными или иными мирскими, а не вероисповедными подвигами. Уже при первой канонизации окружение митрополита киевского, состоявшее из ставленников константинопольского патриарха, не проявляло особого желания признать «святость» князей. По тем же причинам константинопольская церковь противилась и канонизации «крестителя Руси» Владимира [2, с. 149]. Иным содержанием отличается созданное примерно в то же время (рубеж XI–XII веков) «Чтение о Борисе и Глебе». Оно значительно ближе к житийному канону. Исключив из повествования историческую конкретику, автор сделал изложение более отвлеченным, усилил нравственно-назидательные и церковные элементы. При этом сохранилась основная политическая тенденция «Сказания» – осуждение братоубийственных распрей и признание необходимым повиновение младших князей старшим в роде [8, с. 52 – 76; 6, с. 136 – 140; 5, с. 40 – 41].

Древнерусские летописи, выражавшие своеобразную философию истории, сложились не без влияния византийской исторической литературы, прежде всего «Хроники» Георгия Амартола. В основе почти всех летописей, повествующих о началах истории Руси, лежит летописный свод «Повесть Временных Лет». Основная тема сочинения – тема Русской земли. Идея ее защиты и сохранения единства пронизывает произведение от начала до конца. Патриотическое содержание «Повести...» выражено уже заголовком произведения: «Откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть» [11, с. 9]. Летописец стремится выяснить происхождение восточнославянских племен, «русского народа» во всей его совокупности, обосновать его место среди других народов мира. Доказать, что «русский народ» не без рода и племени, что он имеет свою древнюю историю, которой вправе гордиться. Обращает на себя внимание то, что летописец уходит от многих стереотипов ставшей канонической для христианства историософии «Хроники» Амартола. Всемирная история излагается автором не с «сотворения мира», а с его «раздела» между сыновьями Ноя, от одного из которых, Иафета (Яфета), «произошел и народ славянский». И далее Нестор занимается подчеркнuto патриотическим описанием истории своего государства и народа. Свидетельством древности Руси и ее политической значимости служило, в духе средневековой традиции, сказание о начале правящей киевской династии, как и линии Рогволода Полоцкого, «за морем» [11, с. 205, 208, 214 – 215, 252].

Для историографии Нестора характерна не церковно-историческая, а политическая концепциальность [2, с. 151], что было особенно важным в условиях борьбы за духовную и политическую самостоятельность Руси с амбициозной Византией. Особую идеологическую нагрузку несет включенная в летопись легенда о посещении «Русской земли» апостолом Андреем Первозванным. Андрея как одного из учеников Иисуса Христа впервые называют Евангелия от Матфея и Иоанна, в иностранных источниках его миссионерское служение ограничивалось восточной частью Римской империи и с богословской точки зрения трактовалось как апостольское крещение Византии. В «русской» версии Нестора география его миссионерства значительно расширилась, охватив и территорию Приднепровья. Упоминание о проповеди апостолом Евангелия в Северном Причерноморье, летописец добавляет, что Андрей также «...благословил... горы... где впоследствии возник Киев...» [11, с. 208]. В результате Киевская Русь обрела «собственного апостола». Предание о посещении «Русской земли» Андреем доказывало древность русского православия, подчеркивало особое место Руси в христианском мире, ее «богоизбранность», утверждало авторитет Киева как духовной митрополии «Всея Руси».

Очевидна церковно-политическая подоплека несторовского нововведения. Сказание было направлено против существующей со времени крещения Руси идеи церковно-политической зависимости Киева от Константинополя. Константинопольская патриархия считала Русскую церковь «дочерней» и настаивала на своем праве назначения митрополитов киевских и Всея Руси. В Киевской Руси позиция Византии воспринималась неоднозначно. На nive религиозно-политической идеологии здесь в XI – XII веках противоборствовали две «партии»: «византийская» («греческая») и «русская». Обе признавали догматическую общность с Константинополем, но расходились в вопросе о статусе Киевской митрополии. Идеологи «русской партии» (Илларион Киевский, Климент Смолятич и другие), в отличие от «византийцев»

(Кирилл Туровский и другие), ратовали за церковную самостоятельность Руси. Данная тенденция была характерна и «Повести временных лет». Легенда была направлена против гегемонистских претензий греческой церкви, идейно укрепляла церковь русскую: Византия приняла крещение от Андрея, но и Русь тоже благословлена им. Получив аналогичную благодать, она обрела собственную христианскую историю, право на равный церковный статус. Еще одним аспектом легенды выступало противодействие экспансионистской политике Рима, добивавшегося подчинения Киевской державы папству, превращения ее в «лен святого Петра». В дальнейшем легенда использовалась для обоснования религиозно-исторического и национально-культурного суверенитета белорусско-украинской «Руси» в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (Загоровский сборник, «Палинодия» Захария Копыстенского, Могилевская хроника) [15, с. 31 – 34].

«Повесть Временных Лет», выражала средневековое понимание философии истории. В историческую канву вплетены философские высказывания христианского типа. Источником общественного зла является дьявол. Историю заполняет борьба добра и зла, которая, согласно христианской концепции, должна привести к победе светлых сил. Автор разделяет идею христианского провиденциализма (от латинского *providentia* – провидение) – религиозное понимание истории как проявления воли Бога, осуществления заранее предусмотренного божественного плана «спасения» человечества. Он пишет: «Наводит ведь бог, в гнев своем, иноплемеников на землю и, только пережив это горе, жители ее вспоминают его; на междоусобную же войну соблазняет людей дьявол» [17, с. 13]. Слова, характерные для средневековых философов, считавших, что все в мире предопределено Богом и все, хорошее и плохое, совершается по воле Бога, в наказание или в награду народа и властителей, летописец вкладывает в уста Ярослава Мудрого, других деятелей Древней Руси. Провиденциалистская концепция, идея вмешательства божественных и дьявольских сил в ход исторических событий, являлась попыткой установить закономерность истории, и господствовала в средние века во всей европейской историософии.

Религиозная окраска «Повести Временных Лет» несомненна, однако нужно обратить внимание и на мирскую стихию памятника. Для характеристики философско-исторических взглядов Нестора интересны последние страницы «Повести...», где летописец приходит к выводу, что основные бедствия Русской земли таятся в раздорах князей. Доминантой политической историософии «Повести Временных Лет» выступает «мысль о Русской земле, о ее защите, о необходимости единения перед лицом внешней опасности» [9, с. 41]. «Если же будете в ненависти жить, в распрях и междоусобиях, – предостерегает автор наследников Ярослава Мудрого, – то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которую они добыли трудом своим великим...» [11, с. 41]. Летописец пытается извлечь уроки из истории, обратить внимание современников на опыт предшествующих поколений. Если в «Повести Временных Лет» светское начало представлено лишь тенденцией, хотя и очевидной, то в ряде других сочинений эпохи оно доминирует. В «Поучении» Владимира Мономаха, «Слове о полку Игореве» идея защиты родины, забота о ее благосостоянии не сопрягаются с провиденциалистской концепцией. Не соответствует церковно-христианскому подходу и свойственное этим сочинениям осмысление роли личности в истории. «Поучение» Владимира Мономаха (начало XII века), ставшее политическим и нравственным завещанием выдающегося государственного деятеля, проникнуто глубокой тревогой за судьбы Руси. Проведение было попыткой предотвратить княжеские раздоры и сохранить единство Руси в условиях феодальной раздробленности. Его главная идея – призыв к князьям руководствоваться не личными, а общегосударственными интересами, соблюдать новый феодальный правопорядок. Мономах религиозен, но его вера свободна от аскетизма и фанатизма. Более того, религиозное чувство отодвигается на второй план чувством патриотизма. Выступая за единение Руси перед внешним врагом, он предлагает примирение давнему врагу, убийце сына князю Олегу Черниговскому, демонстрируя торжество общерусского долга перед личными чувствами [8, с. 104 – 122; 5, с. 41].

Среди произведений феодальной эпохи особое место не только как замечательное поэтическое произведение, но и как философская поэма, занимает «Слово о полку Игореве». Формально в нем повествуется о неудачном походе князей во главе с Игорем Святославичем против половцев в 1185 году. Но описание похода не является целью автора. Оно служит лишь поводом для размышления о судьбах родины. В «Слове...» с наибольшей силой выражена мысль о единстве «Русской земли» и необходимости ее защиты от иноплемеников. Созданное в конце XII века в период междоусобных феодальных войн, оно стало одной из вершин развития древнерусской духовной культуры. Историческая концепция поэмы существенно отличается от христианского провиденциализма «Повести Временных Лет». Автор «Слова...» апеллирует не к «страху Божьему», а к воинским доблестям героев, их патриотическим чувствам. Призывает не к покаянию и смирению, а к социальному действию, активной борьбе за Русь. В произведении более явными становятся элементы научной историографии: настоящее сравнивается с прошлым, есть попытки постижения причинно-следственных связей, оценивается деятельность князей и полководцев. Главный герой «Слова...» – «Русская земля» и ее историческая судьба. Поэт глубоко обеспокоен ослаблением Киевского государства в условиях неблагоприятного окружения. Истоки бед «земли русской» он

видит в сепаратизме князей, «ибо сказал брат брату: «Это моё, и то моё же», и стали князья про малое «это великое» говорить и сами на себя крамолу ковать», а «в княжеских крамолах сокращались жизни людские». Как общерусская трагедия в поэме описывается битва 1067 года на реке Немиге: «У Немиги кровавые берега не добром были посеяны – посеяны костями русских сынов». Переживая за будущее родной земли, автор обращается ко всем «русским князьям», прежде всего киевским и полоцким, с призывом одуматься, прекратить междоусобную вражду: «Ярослава все внуки и Всеслава! Склоните стяги свои, вложите в ножны свои мечи повреждённые, ибо лишились вы славы дедов. Вы ведь своими крамолами начали наводить поганых на землю Русскую..!» [14, с. 62 – 63, 72 – 73]. «Слово о полку Игореве» является примером благотворного воздействия народно-поэтической культуры на литературу Киевской Руси. Свойственное ему этико-эстетическое сознание близко фольклорному мировоззрению. Выводимые в поэме образы защитников родины близки в художественном отношении народно-былинным образам волотов («осилков»). Приводится реалистическая трактовка трагического (полоцкий князь Всеслав). «Слово...» является памятником «двоеверной» культуры. Сосуществующие в нем архетипы и идеи язычества и христианства образуют нераздельный мировоззренческий комплекс, но языческие элементы проступают четче.

Летописи и исторические повести ориентированы на отражение наиболее важных событий этнополитической истории. Основная тема историософии Киевской Руси – осмысление проблемы общего блага, которое трактовалось как феодальное единство земли, народа и князя. Единство понималось как предпосылка стабильности и могущества государства. В условиях распадавшегося политического образования идея целостности, как отмечает А.С. Майхрович, выражала тенденцию укрепления и объединения этнической общности и была исторически обусловлена и оправдана [10, с. 80]. В XIII – XIV веках она своеобразно проявилась в процессе создания ВКЛ, в государственных рамках которого происходит процесс формирования белорусской народности и ее культуры. Создатели белорусско-литовского летописания выражали неоднородное понимание принципа общего блага, находившего политическое выражение в прославлении определенной этнополитической общности. По составителю Супрасльской летописи, общее благо состоит в единстве литовского и белорусского начал. А по трактовке «Летописи Рачинского», например, это есть благо абсолютного и верховного литовского государственного образования. Принцип общего блага неразрывно связывается в сознании летописцев с господствующими религиозными представлениями. Если утверждение родства с Киевской Русью подкрепляется идеей православной общности, то в попытке создания сугубо литовской истории внимание акцентировано на принятие «Литвой» римо-католицизма. В целом попытка постичь существо принципа общего благополучия и благосостояния, запечатленная в белорусско-литовских летописях, означала пусть малый, но шаг в становлении и развитии политических и социально-гуманистических представлений на начальных этапах становления истории белорусского народа [1; 12; 13; 16; 10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Беларускія летапісы і хронікі. – Мн., 1997.
2. Введение христианства на Руси / Ин-т философии АН СССР; Отв. ред. А.Д. Сухов. – М., 1987.
3. Галактионов А.А., Никандров П.Ф. Русская философия XI – XIX вв. – Л., 1979.
4. Замалеев А.Ф. Философская мысль в средневековой Руси (XI – XVI вв.). – Л., 1987.
5. Зезина М.Р., Кошман Л.В., Шульгин В.С. История русской культуры: Учеб. пособие. – М., 1990.
6. Златоструй. Древняя Русь. X – XIII вв. – М., 1990.
7. Илларион. Слово о Законе и Благодати / Сост., вступ. ст., пер. В.Я. Дерягина. – М., 1994.
8. Литература Древней Руси: Хрестоматия / Сост. Л.А. Дмитриев; Под ред. Д.С. Лихачева. – М., 1990.
9. Лихачёв Д.С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI – XVII вв. – М.-Л., 1945.
10. Майхрович А.С. Поиск истинного бытия и человека: Из истории философии и культуры Беларуси. – Мн., 1992.
11. Повесть временных лет / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.-Л., 1950. – Ч. 1: Текст и перевод.
12. Полное собрание русских летописей. – М., 1975. – Т. 32.
13. Полное собрание русских летописей. – М., 1980. – Т. 35.
14. Слово о полку Игореве / Вступ. ст. и подготовка древнерус. текста Д. Лихачева; Сост. и коммент. Л. Дмитриева. – М., 1985.
15. Старостенко В.В. Сказание об Андрее Первозванном в отечественной мысли XI – XVII веков // Мінулая і сучасная гісторыя Магілёва: Зб. навук. прац. – Магілёў, 2001.
16. Хроника Быховца. – М., 1966.
17. Хрестоматія па старажытнай беларускай літаратуры / Скл. А.Ф. Коршунаў. – Мн., 1959.